

ВЯЧЕСЛАВ ВАСИЛЬЕВ

**Чёрно-белое небо
душевнобольного поэта**

СТИХОТВОРЕНИЯ

Вячеслав Васильев

**Чёрно-белое небо
душевнобольного
поэта. Стихотворения**

«Издательские решения»

Васильев В.

Чёрно-белое небо душевнобольного поэта. Стихотворения /
В. Васильев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836207-1

Добро пожаловать туда, где останавливается время. Это история о чистой и светлой любви. История о мечтателе, желающем дотянуться до звёзд. История о поэте, медленно сходящем с ума. История о человеке, проигравшем битву с жизнью.

ISBN 978-5-44-836207-1

© Васильев В.
© Издательские решения

Содержание

Музыка на костях	6
Всё впереди	7
«Человек никогда не поймёт безграничной любви...»	8
Черника	9
Добрый день	10
«Водить рукой по локонам твоим...»	12
«Тихо ястреб сидит на некрепком плече оборванца...»	13
Сонет I. «Я не прошу подачек у любви...»	14
Печальный мотылёк	15
«Мой город, мир каналов и мостов...»	16
На двоих	17
«Когда судьба воздаст нам за грехи...»	18
«Привыкла ли ты меня день ото дня...»	19
От стены до стены	20
Определения	21
«Я не знаю, как попросить тебя позвонить мне вечером...»	22
Стансы	23
«Примерившись к немому повороту...»	25
«Как хорошо, что солнце греет кожу...»	26
Сырость	27
«То ли ветер в лицо в так давно опустевшей квартире...»	28
Дикое вино	29
«Понять меня, наверно, нелегко...»	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Чёрно-белое небо душевнобольного поэта
Стихотворения
Вячеслав Васильев

© Вячеслав Васильев, 2017

ISBN 978-5-4483-6207-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Музыка на костях

Человек предстаёт незаконченной песней, звучащей
В гробовой тишине сквозь хрипенье пластинки, покрытой
Сотней ям и канав. Пока есть ещё силы возвращаться
И терпеть скрип иглы, ни один не умолкнет. Парите
Над замёрзшей рекой нотным станом, скрипичною чайкой,
Расставляя бекар над мостами, прибитыми к снегу.
Здесь, над жизнью чужой то ли радостной, то ли печальной,
Ясно видно, что смерть не является вдруг к человеку
Расхотевшему жить, разносясь по окрестностям джазом.
Как задумчив минор, как печальны его обертоны.
Наши жизни звучат в тишине мирозданья все, разом,
И, замолкнув, одна не ломает иглу граммофона.

Всё впереди

Закрой глаза и отправляйся к морю,
Неспешно так по берегу иди.
Пусть вода солёная размочит
Твои следы.

Шагай вперёд, вдыхая сладкий ветер,
И не смотри украдкой на часы.
Пусть самым опечаленным на свете
Давно прослыл.

Теперь кричи, как раненный спартанец
В глубокой пасти грозных Фермопил,
Изрезанный, исколотый мечами
Упал без сил.

Вгрызаясь в землю и борясь с приливом,
Не поддавайся панике, мой друг.
Старайся быть весёлым и счастливым
Для всех вокруг.

Пусть от воды и слёз совсем намокло
Распятие на сдавленной груди.
Но у тебя, хотя жизнь и жестока,
Всё впереди.

«Человек никогда не поймёт безграничной любви...»

Человек никогда не поймёт безграничной любви
Параллельных прямых, не способных коснуться друг друга,
На вопрос «Ты со мной?», отвечающих тихое «Oui»
На французский манер, будто в центре Парижа. Откуда
Мы приходим сюда, в этот мир, не лишённый чудес?
Что важнее – зачем? Эх, найти бы на это ответы.
Веря только в любовь, я прошёл бы по жизни и без
Этих дум по ночам. Но я выбрал дорогу поэта,
А стихи не дают жить беспечно, стучаться в сердца,
Без конца задают сотни новых и новых вопросов
И стирают на миг всё живое с простого лица,
Когда мысль родилась в напряжённых извилинах мозга.
Не дождавшись утра, веки сами смыкаются. Да,
Не познать нам любви параллельных прямых. Есть желанье
Свою жизнь прожить так, чтоб после не смыла вода
С этих улиц следы, что оставил я здесь на прощанье.

Черника

Ты вечно волос красила черникой,
Стреляла в сердце взглядом полным света.
Прекрасна, лучезарна, многолика —
Ты пахла начинающимся летом.

Я жёг стихи, нас в холод согревая,
Хранил угли, как память, месяцами.
И письма твои шёпотом читая,
Кормил цветы счастливыми слезами.

Кусались дни разлукой ядовитой,
Но жизнь казалась светлой и спокойной.
Мной чаша одиночества испита
Вся, до последней капли. Я влюблённый! —

И нет обмана этого сильнее
На маленькой планете синеокой.
Любовь, как жизнь – рождается и тлеет,
Но свет в груди сияет ещё долго.

Добрый день

Шум вагонов метро,
Свет реклам бьёт в глаза среди ночи.
А вокруг никого,
И погода сегодня не очень.
Я проснулся, теперь
Огорчаться – великая глупость.
Добрый день, моя жизнь!
Добрый день, моя славная юность!

Сильно пахнет весной,
Хоть и снег до сих пор не растаял,
И плывёт над землёй
Грохот полупустого трамвая.
Открываешь окно
И выпускаешь простуженный ветер,
Только сделаешь вдох —
И ты самый счастливый на свете.

Будто просто забыл
Обо всём, что печалило душу,
И внезапно открыл,
Что кому-то ты стал очень нужен,
Будто смерть не придёт,
Будто мы в этой жизни навечно...
Только время не ждёт,
И оно чересчур быстротечно.

Неужели теперь,
После стольких безумных страданий,
Бесконечных потерь,
Не случившихся важных свиданий,
Неужели теперь,
После страшного, злого ненастья
Обрету, наконец,
Я своё неподдельное счастье

Значит Бог всё же есть,
Значит жизнь ко мне справедлива.
Это лучшая весть,
Что меня до сих пор посетила.
Так устал я кричать:
«Жизнь, постой! Ну куда ты несёшься?»
До свиданья, печаль, —
Я надеюсь, что ты не вернёшься.

Всё забыть и простить,
Убежать, раствориться средь улиц,
Переждать, пережить.
Посмотри! Вот и птицы вернулись.
Не зови, не проси
И не плачь, схорони в себе трусость.

Добрый день, моя жизнь!
Добрый день, долгожданная мудрость!

«Водить рукой по локонам твоим...»

Водить рукой по локонам твоим,
Влюбиться в простоту твоих страданий,
Представить солнце чем-то ледяным
В реальности огромных расстояний,
Кричать во сне, когда тебя в нём нет,
Поставить дома сотни старых снимков,
Где нам двоим всего по двадцать лет,
И солнце светит меньше, чем улыбки.

«Тихо ястреб сидит на некрепком плече оборванца...»

Тихо ястреб сидит на некрепком плече оборванца.
Не боится малец, не боится без глаза остаться.
Занимается день, только ветер колышет пшеницу,
Занимается день, и лишь ястребу с парнем не спится.
Нынче нет облаков, на виски давят серые тучи.
Даже в меру худой, ястреб всё ж остаётся могучим.
Дорогая земля, не привыкшая спать на рассвете,
Дикой птицей кричит о несчастном и юном поэте.
Оборвать её крик – значит сразу столкнуться со злобой.
Утро дышит росой, утро дышит приятным ознобом.
Мальчик плачет навзрыд, глядя преданным взглядом на землю,
Растворяясь в годах, растворяясь в воде акварелью.
Ястреб знает его, его самые лучшие строки,
Ястреб помнит его одинокие тихие вздохи.
Птица видела жизнь и вернулась в то мрачное лето,
Чтоб сказать: «Не пиши! Не спеши становиться поэтом...»
Только крик его вдруг оказался приятен мальчишке —
Он зарылся в стихи, он зарылся в заумные книжки,
Растворился в себе... И очнулся от боли припадка —
Неизменно худой, лёжа в море ненужных тетрадок.

Сонет I. «Я не прошу подачек у любви...»

Я не прошу подачек у любви,
Подобно толпам молчаливых нищих.
Я только лишь пишу тебе стихи
И поглощаю горе вместе с пищей.

Я гол, как ствол декабрьской ольхи,
И мрачен, словно вымершая гуйя.
Мне чудятся во тьме твои шаги
И нежная взаимность поцелуя.

Ты – милая хозяйка моих снов,
От этого в них чисто и уютно.
Готов ли не проснуться? Да, готов.
Я вечность не меняю на минуты.

Как только мир погибнет от тоски,
В раю я попрошу твоей руки.

Печальный мотылёк

Как мёд тягучей жёлтою рекой
Из сот лениво льётся на ромашку —
Так я вожу заботливой рукой
По белым крыльям мирно спящей пташки.

Вдали скрипит прогнивший дилижанс,
И вьётся пыль у кучера под шляпой.
Под нос себе насвистывая вальс,
Я взгляд свой устремил на юго-запад.

Садится солнце. Как же хорошо...
Голубка стала солнечного цвета.
Пусть день, как жизнь, тянулся и прошёл,
Он был мне полутьмой и полусветом.

Он был мне всем. Бывает нелегко,
Сверлить закат до боли грустным взглядом.
В кувшин бежит парное молоко
Горячим белоснежным водопадом.

И над свечою вьётся мотылёк,
С огнём играет весело и смело.
Ходить по краю – вовсе не порок,
Когда душа твоя осиротела.

«Мой город, мир каналов и мостов...»

Мой город, мир каналов и мостов,
Раскинувшийся в северных широтах,
Моя река, страна безмолвных льдов,
Белеющих под серым небосводом,

Я вас люблю. Люблю ваш гордый мрак
И молчаливый северный характер.
Я вас люблю всем сердцем, просто так,
За то, что вы вокруг, а не на карте.

Мой Невский ветер, как ты, старина?
Бок о бок мы прошли по тротуарам
Десятки, сотни вёрст... Молчит луна
И подворотни дышат перегаром.

Да, где-то здесь почти сто лет назад
Ушёл из жизни солнечный Есенин.
И очень скоро я уйду в закат
И не оставлю миру даже тени,

Лишь только строки писем и стихов
И порванные от досады струны...
Не надо слёз, не надо лишних слов,
Прошу лишь отнести на пристань урну

И над заливом мой развеять прах,
В ненастный день смешать его с волнами,
Пока я там, на небе, в рай или в ад
Иду, не торопясь, за ключарями.

И, если честно, мне неважно где
Я буду вспоминать свой дом и детство.
Мне б только видеть с неба блеск церквей,
Дворцы, Неву и шпиль Адмиралтейства.

На двоих

Она – нема, я – безнадежно глух.
Мы идеальны только друг для друга.
Мне её сердца не слышать стук,
Поэтому прикладываю руку
К её груди. О, это волшебство!
Биение прекрасно и степенно.
Она глазами спрашивает: «Что?»,
Я отвечаю: «Ты великолепна!»

Она – нема, я – безнадежно глух.
Мы друг без друга только лишь калеки.
Я – её голос, а она – мой слух,
Мы – две души, сплетённые навеки.
Она не даст остаться одному.
Она молчит, но это поправимо —
Ведь если слышишь только тишину,
Считаешь её голосом любимой.

«Когда судьба воздаст нам за грехи...»

Когда судьба воздаст нам за грехи,
Привычный метроном изменит ритм.
Поэты умирают от тоски,
Не от паров этилового спирта.

Неважно, с сигаретой или без
Живёшь, но умирать приятней в дымке.
Пусть хвоей убаюкивает лес
И вторит мне молчанием великим.

Дождлся смены юный часовой,
Снимает карабин с плеча худого.
И вороны кричат наперебой,
Взывая к подсознанию глухого.

«Привыкла ли ты меня день ото дня...»

Привыкла ли ты меня день ото дня
Встречать в своей жизни? Я счастлив, но беден.
Вдруг Бродский на время покинул меня,
И место его занял ранний Есенин.

Пусть солнце порой обжигает лицо,
Но, в целом, июль этот очень холодный.
Пусть сыплется жизнь, как сквозь пальцы песок,
Я рядом с тобой и безумно доволен

Своею судьбой. Да, под окнами грязь,
На улице тихо – окраина. Всё же
И в горе и в радости громко смеясь,
Я буду искать тебя в каждом прохожем.

От стены до стены

От стены до стены, будто загнанный зверь я хожу.
Далеко до весны. Эта мысль подобна ножу,
Она режет мой мозг, как огромный кусок пирога.
Пусть лютует мороз. Его жизнь и так коротка.
От стены до стены... Внутри льётся живительный чай.
Нехорошие сны часто душат меня по ночам.
Снова черная тень разлеглась на холодном полу.
Оторвавшись от стен, я свой взгляд подарю потолку.
Затухает луна, с каждым часом всё ближе ко дню.
Сигарета одна, я всё время куда-то звоню.
В светло-синем дыму растворяется мой силуэт,
Я грущу потому, что стал просто хранилищем лет.
От стены до стены. Неизменно, спокойно, без слов.
Я в начале зимы застреваю в руках холодов.
Тёплый свитер, штаны и пальто, что длиной до колен.
Всё мосты сожжены – вместо них только пепел и тлен.
От стены до стены – так всю зимнюю ночь напролёт.
От Земли до Луны, повторяя великий полёт.
И упорно не спит мозг, надеясь на поздний подъём.
Смысл жизни лежит в промежутке меж ночью и днём.

Определения

Небо будет крошить облака в ноябре, как обычно.
Сизый нос корабля, заходящего в порт, заблестит
Белоснежной пылью. Осень – пламя сгорающей спички.
Жизнь – большое окно, из которого вечно сквозит.

Я душой на Луне, покалеченной, но не погибшей.
На Земле всё – обман, иллюзорная блажь. Оглянись!
Небо – просто мираж, у людей в этом мире нет крыши,
И от знойных лучей реки крови давно запеклись.

Дьявол шепчет в душе, и монеты запели в карманах,
Я молчу невпопад, мне неведома песнь серебра.
Мы – сошедшие в ад дети падшей супруги Адама,
И в сердцах наших нет даже маленькой капли добра.

«Я не знаю, как попросить тебя позвонить мне вечером...»

Я не знаю, как попросить тебя позвонить мне вечером
Через лунный свет, что застыл давно внутри глаз широких.
Я скучаю и задаю вопрос себе: в жизни встречу ли
Ещё раз тебя? Километры трасс погубили многих.

Тяжелее всего различить звонок через шум квартиры:
Всё трещит по швам и скрипит, молчит и, быть может, плачет.
Я всё жду тебя, не гнушаясь грустью на задворках мира,
Жду и буду ждать, потому что я не могу иначе.

Каждый день теперь для меня всего лишь как контрольный
выстрел,
Я люблю тебя, и твоих речей ничего нет слаще.
Вспоминай, прошу, потому что жизнь моя тает слишком быстро,
Но не бойся – я свой последний стих до сих пор не начал.

Стансы

1.

Как лопнувший стакан, я опустел.
Пустые люди нынче не у дел.
И это я приму беспрекословно.
Ты всё ещё со мной? Боюсь, что нет.
Но... Всё-таки я шлю тебе привет,
Забыв о том, насколько это больно.

2.

Моя любовь... Она уже не та.
Важней всего в закате темнота,
И эта темнота уже настала.
Куда несётся шумная толпа?
Земле не оставляя ни следа,
Толпа несётся в сторону вокзала.

3.

Причина жить укрылась между строк
Стихов И. Б. Я выучил урок,
Что он нам преподавал в восьмидесятом:
Что даже если рот забит землёй,
Скажи «спасибо» всем и вся за свой
Бесценный опыт и последний завтрак.

4.

Ты странная, за это и люблю.
Взгляни хоть раз с улыбкой на мою
Сырую фотографию под ливнем.
Пусть плачет моё юное лицо,
Пусть дождь бумагу делает свинцом,
И пусть я буду мятым и бессильным.

5.

Зима всегда является ко мне
С зажжённой папиросой. Тишине
И тление бумаги вредоносно.
Замёрзла одинокая слеза
Быстрее, чем я успел тебе сказать,
Что без тебя мне жизнь казалась постной.

6.

Случается, что сорванной листок
Не так уж и печален. Вышел срок —
Да будет так. Не стоит огорчаться.
И гении готовы умереть,
Чтоб маленький ребёнок мог и впредь,
Срывать листки с ветвей и улыбаться.

«Примерившись к немому повороту...»

Примерившись к немому повороту,
Вхожу я в новый мир, за новый угол.
Стоит там кто-то, скрытый дымом кто-то
И курит папиросу. Страх – на убыль.

Две свечки труб горят на горизонте,
И смрад их обесцвечивает небо.
Прочтёте вы, я знаю, вы прочтёте
Мои стихи, считая их за небыль.

Не взять пера у чайки – не позволит.
Кричи же, недотрога, о поэте!
Проросший, будто саженец, в неволе,
Я с детских лет мечтаю лишь о свете.

Лети, моё стенание, не падай,
Пусть встречи наши кончатся. Лети же!
Когда и спать и бодрствовать не надо —
Безвременность отчётливей и ближе.

Куда всем нам приткнуть свои скелеты?
Найдётся ль в мире место? Нет желанья
Искать другие синие планеты
Под кладбища пустых воспоминаний.

Забывчивость, поверьте мне, – мессия.
Не письма память пишет, но угрозы.
Быть может, в день разлуки отнеси я
В твой дом огнём пылающие розы,

Всё кончилось бы лучше... Но не вышло.
Вхожу я в новый мир, и он прекрасен.
И если кто-то письма мне не пишет,
То пусть не пишет дальше – я согласен.

«Как хорошо, что солнце греет кожу...»

Как хорошо, что солнце греет кожу
Остатками ноябрьского света.
Как хорошо, что мы с тобой похожи —
Воспитаны не осенью, а летом.
Как радостно смеяться в оконцове
Минувшей жизни, время не растратив.
Как радостно подмигивать суровым
Немым прохожим в городе-гиганте.
И за руки держась идти по кругу
Вокруг колонн Казанского собора,
Дышать зимой, прохладой и друг другом,
И, в ту же ночь, теплом родного крова.
Как радостно влюблённым, как прекрасно!
Всё время в забыты, всё время вместе.
Как радостно влюблённым ежечасно
Быть трогательной близостью из песни.*
Как хорошо влюблённым в Петрограде
Среди дворцов и царских монументов,
Среди почти что сказочных фасадов
Ловить свои влюблённые моменты.
Так хорошо, что, право, я в восторге
И совершенно вылечен любовью.
Когда декабрь мялся на пороге,
Я с жаром приглашал его на кофе.
А он не заходил, упрямец дикий!
Представь себе, не заходил к поэту!
Ронял лишь только белые снежинки
На ставшие историей сонеты.
Как радостно сливаться с снегопадом
В безудержном и страстном поцелуе.
Так радостно, что большего не надо —
Лететь печаль и горести минуя.
Как радостно в симпатии ответной,
Окрасившей планету акварелью.
Живи в веках идиллия поэта
Десятками цветных стихотворений!

Сырость

А.Б.

Туман сдавил мозги холодными тисками,
И улицы давно прошили провода.
Осенний Петербург свинцовыми руками
Швыряет вверх листву во власть к своим ветрам.

Трамвай опять гремит железными ногами
По рельсам, век назад уложенным в бетон.
И дивные дворцы массивными плечами
Упёрлись в небеса, что служат потолком.

Потерянным сердцам нет разницы особой,
Что делается там, за матовым окном.
Автобус подошёл к пустующей Дворцовой,
Замёрзшей от ветров, пропитанной дождём.

А я забыл свой зонт. Ну ладно, что поделать —
Не так уж и плоха погода в ноябре.
Пусть даже она так безжалостно раздела
Деревья, в холода оставив на дворе.

Постой шуметь, Нева, ведь знаешь, что не страшен
Давно уже твой хрип могильный по утрам.
Паром уходит вдаль, но флагами не машет,
Подобно небольшим пиратским кораблям.

Дыши, дыши, земля, стучи копытом, лошадь,
Безумствуйте ветра, гоните вдаль листву,
И не сердись на дождь, стареющая площадь —
Я счастлив только тем, что всё ещё живу.

«То ли ветер в лицо в так давно опустевшей квартире...»

То ли ветер в лицо в так давно опустевшей квартире,
То ль начало с концом стали рядом в потерянном мире,
То ли руку пожать разглядевшему финиш со старта,
То ли жизнь не нужна в середине холодного марта.

Словно дым из трубы, пар идёт изо рта на морозе.
Я – дитя пустоты, и общаюсь лишь азбукой Морзе.
Но, по правде сказать, это всё не достойно вниманья,
Кто-то любит кричать, я же весь целиком из молчанья.

Словно казнь души каждый день, проведённый в раздумьях,
Среди правды и лжи я теряюсь в часы полнолуныя.
Ничего не прошу, только скоро, спасаясь от гнёта,
Непреренно взойду на белеющий трап самолёта.

Улететь навсегда – иногда тоже выход, поверьте,
И неважно куда, лишь бы только подальше от смерти,
Но нельзя убежать, она всюду, и справа, и слева...
Не хочу умирать, я ещё слишком много не сделал.

Дикое вино

Стеклянный взгляд заставил плакать
И от любви царапать стены.
Не будет кровь на землю капать,
Пока вино течёт по венам.

Так отрави меня собою,
Вонзи не нож, а розу в сердце.
Да, ты была моей мечтой,
Моим видением из детства.

Когда гроза шуметь устанет,
Я растворюсь в озоне улиц,
Найду тебя, прильну губами
К твоим губам, чтоб ты проснулась.

Моя любовь, не жги мне душу
И не клейми меня металлом —
Я не смогу не дать разрушить
Тебе мой разум обветшалый.

Так просто сжался надо мною,
Будь милосердной, а не грозной,
Чтоб я, вмерзая в лёд зимою,
В тебе своё увидел солнце...

Включите свет, откройте ставни,
Пока вас тьма не поглотила.
Они с любовью не спасают,
Они копают нам могилы.

И вкус железа в горле комом.
Я заблудился в жарких клятвах
Людей, которым незнакомы
Теперь мой голос, имя, запах.

Впусти в глаза свои луч света,
На поцелуй ответь горячий,
Вернись ко мне, моя Джульетта,
Ведь без тебя я стал незрячим.

Мои глаза – стекло и слёзы.
Моя любовь к тебе нетленна.
Испей меня, пока не поздно,
Пока вино течёт по венам.

«Понять меня, наверно, нелегко...»

Понять меня, наверно, нелегко,
Я молод телом, но душой старик.
Так много в жизни видел, что с лихвой

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.